

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ

СТАНИСЛАВ
ЛЕМ

Расследование
•
Насморк

Издательство АСТ
Москва

УДК 811.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44
Л44

Серия «Зарубежная классика»

Stanisław Lem

ŚLEDZTWO
KATAR

Перевод с польского

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников Станислава Лема
и Агентства Andrew Nurnberg Associates International Ltd.

Лем, Станислав.

Л44 Расследование. Насморк : [сборник] / Станислав Лем ;
[пер. с пол. С. Ларина, В. Чепайтиса]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2018. — 384 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-107210-0

«Расследование». Инспектор Скотленд-Ярда принимает участие в расследовании странного дела: трупы пропадают из моргов сельских больниц в окрестностях Лондона. Обстоятельства преступлений складываются таким образом, словно мертвые люди каким-то чудом обрели способность передвигаться...

«Насморк». Старейший астронавт-неудачник, так и не осуществивший свою мечту о полете на Марс, участвует в опасном эксперименте, чтобы раскрыть серию таинственных убийств на итальянском курорте. Погибших по неосторожности и самоубийц, мужчин средних лет, казалось бы, ничто не связывает — у них разные привычки и пристрастия, внешность, место работы. Но какая-то закономерность все же должна существовать — и бывший астронавт, агент под прикрытием, шаг за шагом повторяет путь одной из последних жертв из Неаполя в Рим, понимая, что смерть дышит ему в затылок...

УДК 811.162.1-312.9
ББК 84(4Пол)-44

© S. Lem, 1955, 1976
© Перевод. В. Чепайтис, наследники, 2018
© Перевод. С. Ларин, 2018
© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ISBN 978-5-17-107210-0

РАССЛЕДОВАНИЕ

Глава I

Старомодный лифт со стеклянными узорчатыми дверцами полз вверх. Мерно щелкали контакты на этажах. Остановка. Четверо мужчин пошли по коридору, где, не смотря на дневное время, горели лампы.

Обитые кожей двери открылись.

— Прошу вас, джентльмены, — произнес стоявший в них человек.

Грегори вошел последним, вслед за врачом. Здесь тоже было почти темно. За окном в тумане проступали голые ветви деревьев.

Главный инспектор Шеппард вернулся к черному массивному столу с двумя телефонами и плоским микрофоном внутренней связи. На полированной его поверхности лежали очки, трубка и кусочек замши.

Садясь в глубокое кресло сбоку от стола, Грегори заметил портрет королевы Виктории, взиравшей на него со стены над головой главного инспектора. Тот оглядел их поочередно, как бы пересчитывая или припоминая лица. Боковая стена была закрыта большой картой Южной Англии, напротив высился длинный темный книжный стеллаж.

— Вы с этим делом знакомы, джентльмены, — произнес главный инспектор, — а мне оно известно только по протоколам. Поэтому попрошу вас коротко изложить факты. Может, начнете вы, Фаркварт?

— Слушаюсь, господин инспектор, но начало я тоже знаю только по протоколам.

— В самом начале не было и протоколов, — заметил Грегори несколько громче, чем следовало. Все устали на него. С подчеркнутой непринужденностью он принялся шарить по карманам в поисках сигарет.

Фаркварт выпрямился в своем кресле.

— Все началось примерно в середине ноября прошлого года. Возможно, первые случаи произошли раньше, но на них не обратили внимания. Первое полицейское донесение мы получили за три дня до Рождества, и только много позже, в январе, тщательное расследование выявило, что эти истории с трупами случались и раньше. Первое сообщение поступило из Энгендера. Оно носило, в сущности, полуофициальный характер. Смотритель морга Плейс жаловался коменданту местного полицейского участка, который, кстати, приходится ему зятем, что кто-то ночью передвигал трупы.

— В чем состояло это передвижение?

Шеппард методично протирал очки.

— В том, что трупы утром оказывались в ином положении, нежели накануне вечером. Точнее говоря, речь шла лишь об одном трупе, кажется, какого-то утопленника, который...

— Кажется? — безразличным тоном повторил главный инспектор.

— Все показания — это сведения из вторых рук, ведь сперва им не придавали значения, — пояснил Фаркварт. — Смотритель теперь не совсем уверен, был ли это труп именно того утопленника или какой-то другой. В деле нарушена формальная сторона: комендант участка в Энгендере Гибсон не запротоколировал это сообщение, потому что думал...

— Может, не стоит вдаваться в подробности? — бросил со своего кресла мужчина, сидевший под книжным

стеллажом. Он расположился в самой свободной позе, закинув ногу на ногу так, что видны были желтые носки и полоска обнаженной кожи над ними.

— Боюсь, что это необходимо, — сухо возразил Фаркварт, не глядя на него.

Главный инспектор наконец надел очки, и его лицо, до той поры казавшееся бесстрастным, приобрело доброжелательное выражение.

— Формальную сторону расследования мы можем опустить, по крайней мере сейчас. Прошу вас продолжать, Фаркварт.

— Слушаюсь, господин инспектор. Второе сообщение мы получили из Плентинга, через восемь дней после первого. В нем тоже речь шла о том, что ночью кто-то передвинул труп в кладбищенском морге. Покойник, портовый рабочий по фамилии Тиккер, давно болел и сильно обременял семью.

Фаркварт искоса взглянул на Грегори, который нетерпеливо ерзал в кресле.

— Похороны должны были состояться утром. Члены семьи, явившись в морг, заметили, что труп лежит лицом вниз, то есть спиной кверху и, кроме того, с раскинутыми руками, что производило такое впечатление, будто человек... ожил. То есть так показалось родне. В округе распространились слухи о летаргическом сне; говорили, что Тиккер пришел в себя после мнимой смерти и так перепугался, найдя себя в гробу, что умер вторично, на этот раз окончательно.

— Это, разумеется, были сказки, — продолжал Фаркварт. — Местный врач констатировал смерть без всякого сомнения. Но слухи все расползались, и тогда вспомнили, что люди поговаривают уже давно о так называемом передвижении трупов или, во всяком случае, о том, что за ночь они меняют положение.

— Что значит давно? — спросил главный инспектор.

— Точно установить невозможно. Слухи касались Шелтема и Диппера. В начале января было произведено первое более или менее систематизированное расследование местными силами, поскольку дело представлялось пустяковым. Показания местных жителей были в чем-то преувеличены, в чем-то противоречивы. Собственно говоря, никаких результатов. В Шелтеме речь шла о теле Самуэля Филти, умершего от сердечного приступа. Он якобы перевернулся в гробу в ночь под Рождество. Могильщик, который сделал это заявление, известен как горький пьяница, его слова никто не мог подтвердить. А в Диппере имелся в виду труп душевнобольной женщины, обнаруженной утром в морге на полу, около гроба. Поговаривали, что ее вышвырнула падчерица, которая ночью проникла в морг и проделала это из ненависти. Разобраться во всех этих сплетнях и слухах просто невозможно. Все ссылались на якобы очевидца, а тот на кого-то еще.

— Мы бы сдали это дело в архив, — Фаркварт заговорил чуть быстрее, — но шестнадцатого января из морга в Трикхилле исчезло тело некоего Джеймса Трейла. Дело поручили сержанту Пилу из нашего следственного отдела. Труп был похищен из морга между двенадцатью ночи и пятью часами утра, когда владелец похоронного бюро заметил его отсутствие. Умерший был мужчина... лет примерно сорока пяти.

— Вы в этом не уверены? — спросил главный инспектор. Он сидел, опустив голову, словно разглядывая себя на полированной поверхности стола. Фаркварт откашлялся.

— Уверен. Так мне сообщили... Он скончался от отравления светильным газом. Произошел несчастный случай.

— Вскрытие? — поднял брови главный. Наклонившись в сторону, он потянул за рукоятку, которая откры-

вала задвижку дымохода. В неподвижной духоте кабинета повеяло свежестью.

— Вскрытия не производилось, но мы убеждены, что это несчастный случай. Через шесть дней, двадцать третьего января, такой же случай произошел в Спиттоне. Там исчез труп двадцативосьмилетнего Джона Стивенса, рабочего, который накануне смертельно отравился, когда чистил котел на винокуренном заводе. Смерть наступила около трех часов пополудни, тело доставили в морг, где последний раз его видел сторож в девять вечера. Утром трупа уже не было. И это дело, как и предыдущее, вел сержант Пил, и тоже безрезультатно. Поскольку мы тогда еще не принимали в расчет возможной связи этих двух случаев с предыдущими...

— Давайте пока воздержимся от комментариев. Это облегчит нам обзор фактов, — заметил главный инспектор. Он учтиво улыбнулся Фаркварту, опустив сухую, легкую руку на стол. Грегори невольно засмотрелся на эту анемичную старческую руку, совершенно лишенную рисунка кровеносных сосудов.

— Третий случай произошел в Лоуверинге. Это уже в пределах Большого Лондона, — продолжал Фаркварт глухим голосом, как бы утратив охоту продолжать свой затянувшийся доклад. — У медицинского факультета там новая большая прозекторская. Оттуда исчез труп пятидесятилетнего матроса Стюарта Элони, скончавшегося в результате продолжительной тропической болезни, которую он подхватил во время рейса в Бангкок. Это произошло через девять дней после исчезновения трупа номер два, второго февраля, точнее, в ночь со второго на третье. На этот раз за расследование взялся Скотленд-Ярд. Вел его инспектор Грегори, и он же потом взял еще одно дело — о пропаже покойника из мертвецкой на пригородном кладбище в Броумли. Произошло это двенадцатого февраля, речь шла о трупе женщины, умершей после операции по поводу рака.

— Благодарю вас, — сказал главный инспектор. — А почему отсутствует сержант Пил?

— Он болен, господин инспектор. Лежит в больнице, — отозвался Грегори.

— Да? А что с ним?

Грегори смешался.

— Я точно не знаю, но кажется, что-то с почками.

— Так, может быть, теперь вы доложите нам о ходе расследования?

— Слушаюсь, господин инспектор.

Грегори откашлялся, перевел дух и, стряхнув пепел мимо пепельницы, неожиданно тихо произнес:

— Хвастать нечем. Трупы во всех случаях исчезали ночью. На месте не обнаружено никаких следов и никаких признаков взлома. Да в этом, собственно, и не было необходимости. Как правило, двери в прозекторских не запираются или запираются так, что их откроет кривым гвоздем даже ребенок...

— Прозекторская была заперта, — впервые отозвался полицейский врач Сёренсен. Он сидел, откинув голову — так не бросались в глаза ее неприятные угловатые очертания, — и легко массировал пальцем мешки под глазами.

Грегори успел подумать, что Сёренсен правильно поступил, избрав профессию, которая позволяет общаться главным образом с покойниками. Он чуть ли не с придворной вежливостью отвесил доктору поклон.

— Вы меня опередили, доктор. В зале прозекторской, откуда исчез труп, мы обнаружили открытое окно. То есть оно было закрыто, но не заперто, словно кто-то через него вылез.

— Сперва этот кто-то должен был войти, — нетерпеливо бросил Сёренсен.

— Очень тонкое наблюдение, — отбрил его Грегори, но тут же пожалел о своем выпадении и оглянулся на глав-

ного инспектора, который невозмутимо молчал, словно ничего не слышал.

— Этот зал расположен на первом этаже, — продолжал Грегори после неловкой паузы. — Вечером окно было заперто, как и все остальные, таковы показания служителя. Он настаивает, что все окна были заперты. Говорит, что сам проверял, поскольку похолодало и он опасался, что батареи могут замерзнуть. Прозекторские обычно плохо отапливаются. Профессор Харви, заведующий кафедрой, наилучшего мнения об этом служителе. Профессор говорит, что человек он весьма педантичный и ему можно вполне доверять.

— В этой прозекторской есть где спрятаться? — спросил главный инспектор. Он оглядел собравшихся, как бы заново осознав их присутствие.

— Но... это, собственно говоря, исключено, господин инспектор. Для этого потребовалось бы сообщничество служителя. Кроме столов для производства вскрытия, там нет никакой мебели, никаких темных углов и ниш. Есть шкафчики в стене для студенческих пальто и инструментов, но ни в одном из них не поместится даже ребенок.

— Это следует понимать дословно?

— Не понял?

— Ребенок, значит, не поместится? — спокойно поинтересовался Шеппард.

— Ну... — Грегори свел брови. — Ребенок, господин инспектор, поместился бы, но не старше семи-восьми лет.

— А вы измеряли эти шкафчики?

— Так точно, — последовал немедленный ответ. — Я измерил их все, так как подумал, что какой-то может оказаться большим, но такого нет. Ни одного. Кроме того, на других этажах есть туалетные комнаты, залы для учебных занятий, в подвале — холодильная камера и склад препаратов, а на втором этаже — комнаты асси-

стенгов и кабинет профессора. Все эти помещения служитель обходит вечером, даже по нескольку раз, такой уж он старательный. Об этом мне рассказывал профессор. Там никто не мог спрятаться.

— А если ребенок? — мягко подсказал главный инспектор. Он снял очки, как бы смягчая пронизательность своего взгляда.

Грегори энергично помотал головой.

— Нет, это невозможно. Ребенок не отворил бы окна. Там большие, высокие окна с двумя задвижками, вверху и внизу, которые открываются рычагом. Вот, как здесь. — Грегори указал на окно, откуда проникало холодное дуновение ветра. — Рычаги поворачиваются с большим трудом, служитель даже жаловался на это. Впрочем, я и сам пробовал.

— Он обращал внимание на то, как тяжело они поворачиваются? — произнес Сёренсен со своей загадочной усмешкой, которую Грегори не выносил. Он предпочел бы обойти этот вопрос молчанием, но главный взирал на него выжидающе, поэтому он неохотно отозвался:

— Служитель сообщил мне об этом только тогда, когда я в его присутствии открывал и закрывал окна. Он не только педант, но и порядочный зануда. Брюзга, — выразительно подытожил Грегори, словно бы случайно глядя на Сёренсена. Он был доволен собой. — Впрочем, это естественно в таком возрасте, — добавил он примирительно. — Шестьдесят лет, склеро... — Он смешался и умолк. Главный инспектор был не моложе. Грегори отчаянно попытался что-нибудь придумать, но не сумел. Присутствующие сохраняли полную индифферентность. Он им это припомнит. Главный инспектор надел очки.

— Вы кончили?

— Так точно. — Грегори заколебался. — Собственно, это все. То есть, что касается этих трех случаев. При расследовании последнего я обратил особое внимание на

сопутствующие обстоятельства, и прежде всего на движение той ночью в районе прозекторской. Констебли, которые несли службу на этом участке, ничего подозрительного не заметили. Начиная следствие, я весьма подробно изучил детали предыдущих происшествий: мне сообщил о них сержант Пил, да и сам я побывал во всех этих местах. Но не нашел ни одной нити, ни одного следа. Ничего, абсолютно ничего. Женщина, которая скончалась от рака, исчезла из морга при таких же обстоятельствах, что и тот рабочий. Утром явился кто-то из родных, а гроб пустой.

— Хорошо, — произнес главный инспектор, — благодарю вас. Вы можете продолжить, Фаркварт?

— Перейти к следующим? Слушаюсь, господин инспектор.

«Ему бы на флоте служить, он держится, как на поверке при подъеме флага, и так всю жизнь», — подумал Грегори. Ему захотелось вздохнуть.

— Через семь дней, девятнадцатого февраля, исчез труп молодого портового рабочего, погибшего в автомобильной катастрофе. У него случилось внутреннее кровоизлияние в результате прободения желудка. Операция, как утверждали врачи, прошла успешно, но он не выкарабкался. Труп исчез на рассвете. Нам удалось установить время с исключительной точностью, поскольку около трех утра скончался некий Бартон. Его сестра, с которой он жил в одном доме, так боялась оставаться наедине с покойником, что среди ночи подняла с постели владельца похоронного бюро. Словом, труп Бартона доставили в покойницкую ровно в три часа утра. Двое служащих бюро положили труп возле тела этого докера и...

— Вы хотели что-то добавить? — подбодрил его главный инспектор.

Фаркварт прикусил ус.

— Нет... — наконец произнес он.

Над зданием послышался протяжный, мерно нараставший гул авиационных моторов. Невидимый самолет пролетел на юг. Стекла отозвались тихим звоном.

— Дело в том, — решился Фаркварт, — что, укладываемый доставленный труп, один из служащих отодвинул тело докера, потому что оно затрудняло ему подход. Так вот... он утверждает, что тело не было холодным.

— Хм, — поддакнул главный инспектор, словно речь шла о самой обычной вещи на свете. — Не было холодным. А как он определил это? Способны ли вы повторить его слова?

— Он сказал, что оно не было холодным. Это звучит идио... бессмысленно, но служащий стоял на своем. Он говорит, что сообщил об этом своему напарнику, но тот ничего не помнит. Грегори допрашивал их обоих, по отдельности, дважды...

Главный инспектор молча повернулся к Грегори.

— Этот служащий — очень болтливый и не внушающий особого доверия человек, — поспешил с пояснениями Грегори. — Такое создалось у меня впечатление. Тип из породы дураков, которые обожают привлекать к себе внимание и готовы в ответ на любой вопрос изложить всемирную историю. Утверждал, что это был летаргический сон «или еще того хуже» — по его выражению. Признаться, меня это удивило, ибо люди, профессионально работающие с трупами, в летаргический сон не верят, этому противоречит их опыт.

— А что говорят врачи?

Грегори молчал, уступая право голоса Фаркварту, а тот, словно недовольный тем, что пустяку уделяется столько внимания, произнес, пожав плечами:

— Смерть наступила накануне. Появились трупные пятна... посмертное окоченение... он был мертв, как камень.

— Что-нибудь еще?

— Да. Как и в предыдущих случаях, трупы были обряжены для похорон. Лишь труп Трейла, который исчез в Трикхилле, не был обряжен. Владелец похоронного бюро собирался заняться этим только на следующий день. Случилось так потому, что семья сразу не пожелала предоставить одежду. То есть забрала ее. А когда принесли другую, труп уже исчез...

— А в остальных случаях?

— Труп женщины также был обряжен. Той, которую оперировали.

— В чем она была?

— Ну... в платье.

— А туфли? — спросил главный инспектор так тихо, что Грегори подался вперед.

— Она была в туфлях.

— А последний труп?

— Последний?.. Нет, он был не обут, но одновременно, похоже, исчезла занавеска, отделявшая небольшую нишу в глубине морга. Это было черное полотнище на металлических кольцах, которые перемещались по тонкому карнизу. На кольцах сохранились обрывки полотна.

— Оно было сорвано?

— Нет. Карниз тонкий и не выдержал бы резкого рывка. Это обрывок...

— Вы пытались сорвать его?

— Нет.

— Откуда же вам известно, что он не выдержал бы рывка?

— Ну так, на глаз...

Главный инспектор задавал вопросы спокойно, всматриваясь в стекло шкафчика, отражавшее прямоугольник окна. Делал он это, как бы размышляя о чем-то другом, однако вопросы сыпались быстро, так быстро, что Фаркварт едва успевал отвечать.